

Miscellanea

Смесь

СЛАВЯНСКИЙ МИР И РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ XX ВЕКА

УДК 94; ББК 63.3 (4Бол)6; DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2023.110>

Е. М. Миронова

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОВЕТА ПОСЛОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В БОЛГАРИИ (1919–1940)

Министерство иностранных дел, функциональной особенностью которого было разделение на две составляющие — Центральный аппарат и Заграничный корпус, как и другие ведомства России, в 1917 г. не признало большевистский переворот. Дипломаты, работавшие за рубежом, так же как и их коллеги в Петрограде, отказались подчиниться новой власти. Проиgnорировав поступившие от возглавившего наркомат иностранных дел Л. Д. Троцкого распоряжение отстраниться от дел, они продолжили работу и создали в качестве временного координационного центра Совет послов. В таком виде зарубежное представительство сохранялось в течение года, до образования в Рос-

© Е. М. Миронова, 2023

сии Всероссийского правительства адмирала Колчака¹. В начале 1919 г. заграничный корпус подчинился назначенному Верховным правителем министром иностранных дел С. Д. Сазонову². Русское небольшевистское посольство в Болгарии было составной частью дипломатического представительства Белого движения, а позднее — Русского зарубежья.

История деятельности представительства Совета русских послов в Болгарии изучена недостаточно. В конце прошлого века А. Лунин констатировал существование этого учреждения³. Л. Спасов в фундаментальном труде, посвященном политико-дипломатическим болгаро-советским отношениям⁴, уделил внимание становлению представительства небольшевистской России в Софии. Отдельные аспекты были затронуты в работах Ц. Кёсовой (например, история закрытия посольства в 1922 г.)⁵ и ряде других⁶. Однако в болгарской и сербской историографии утвердилось представление о том, что свертывание дипломатической миссии в 1922 г. положило конец представительству Совета послов в стране. Направленного в Софию руководством этой организации Б. С. Серафимова они рассматривают исключительно в качестве представительства Лиги наций в Болгарии⁷.

В статье мы предприняли попытку раскрыть обстоятельства создания русского небольшевистского представительства в Болгарии и его роль в формировании русской беженской колонии в стране, причины кризиса в отношениях между болгарскими властями и русским посольством, обстоятельства свертывания работы миссии, а также деятельность Совета послов по воссозданию и обеспечению работы неформального представительства, основные направления его деятельности вплоть до 1940-х годов⁸.

---

¹ Подробнее об этом см.: *Миронова Е. М.* Дипломатическое ведомство антибольшевистской России // Проблемы истории русского Зарубежья. Вып. 1. М., 2005. С. 56–122.

² Сергей Дмитриевич Сазонов (1860–1927) — министр иностранных дел Российской империи (1910–1916), с 1913 г. — член Государственного совета, после Октябрьской революции — активный участник Белого движения, в 1918 г. входил в состав Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, начальнике управления иностранных дел в составе Особого совещания при главкоме ВСЮР, в 1919 г. — министр иностранных дел Всероссийского правительства А. В. Колчака и А. И. Деникина, входил в состав Русского политического совещания, которое от имени Белого движения должно было представлять интересы России на Парижской мирной конференции.

³ См., например: *Лунин А.* Руската емиграция и взаимоотношенията и с българските държавни и обществени институции // Бялата емиграция в България: Материали от научна конференция София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 38–50.

⁴ *Спасов Л.* България и СССР 1917–1944: (Политико-дипломатически отношения). Велико-Търново, 2008.

⁵ См., например: *Кёсова Ц.* България и руската емиграция: 1920–1950-е години. М., 2008.

⁶ См., например: *Бочарова З. С.* 1) Феномен зарубежной России 1920-х годов. М., 2014; 2) Русский мир 1930-х годов. От расцвета к увяданию Зарубежной России. М., 2014; *Миронова Е. М.* Российская дипломатическая миссия в Болгарии // Русское Зарубежье в Болгарии: История и современность. София, 2009. С. 140–146.

⁷ См.: *Кёсова Ц.* България и руската емиграция... С. 122, 130; *Йованович М.* Руската емиграция на Балканите: 1920–1940. М., 2005. С. 290.

⁸ При подготовке статьи мы опирались на сборники опубликованных документов, мемуары и неопубликованные материалы, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (далее — ГАРФ), в том числе коллекции документов русской эмиграции

Дипломатические отношения между Петроградом и Софией были прерваны в 1915 г., когда Болгария вступила в Первую мировую войну на стороне Центральных держав. Возможность создания представительства антибольшевистского движения в Софии стала рассматриваться после выхода Болгарии из войны. Оказавшееся в международной изоляции после Салоникийского перемирия 29 сентября 1918 г. болгарское правительство осенью 1919 г. отправило к командующему Добровольческой армией генералу А. И. Деникину генерала Ив. К. Сарафова «с миссией по снабжению южной армии военными припасами и для переговоров о товарообмене и банковских сношениях». В привезенном им письме Т. Теодорова было также высказано пожелание об установлении непосредственной связи с главнокомандующим. На словах было предложено командировать в Софию военного представителя⁹.

Белое движение с момента своей консолидации боролось за международное признание. Однако успехи в этом деле к осени 1919 г. оставались более чем скромными: дипломатические отношения были установлены лишь с Королевством сербов, хорватов и словенцев. Поэтому болгарская инициатива не могла не встретить сочувствия в штабе А. И. Деникина. 2 октября командующий поручил А. А. Нератову¹⁰ назначить дипломатического представителя в Софию. Выбор главы Управления иностранных дел пал на Н. И. Дубягского¹¹. Однако, согласно приведенным Л. Спасовым данным¹², генерал Ив. Сарафов отклонил его кандидатуру, так же как и возможность назначения на этот пост В. Н. Штрандмана¹³. Не желая создавать затруднения в наметившемся сближении с балканской страной, главнокомандующий передал дело С. Д. Сазонову, поторопив его с направлением в Софию дипломата «достаточно высокого ранга»¹⁴.

Гуверовского архива войны и мира, копии которых переданы в ГАРФ (фонд 10 003), Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), Русского архива университета г. Лидс (Leeds Russian archive, далее — LRA).

⁹ А. А. Нератов — министру, 22 сентября / 5 октября 1919 г., № 1502 // ГАРФ. Ф. Р-5805. Чайковский Николай Васильевич. Участник революционного движения 1870-х гг., член партии социалистов-революционеров, глава Верховного Управления Северной области, глава Временного Правительства Северной области, член Южно-Русского правительства при генерале А. И. Деникине. 1850–1926. Оп. 1. Чайковский Николай Васильевич. 1874–1926 гг. Д. 311. Л. 43

¹⁰ Анатолий Анатольевич Нератов (1863–1938) — русский дипломат, в 1910–1916 гг. — товарищ министра иностранных дел С. Д. Сазонова, в ноябре–декабре 1916 г. — временно исполнял обязанности Министра иностранных дел, до Февральской революции 1917 г. — товарищ министра иностранных дел Н. Н. Покровского, с 1918 г. — активный участник Белого движения, в 1918–1919 гг. — член Особого совещания при Главкоме Вооруженных сил Юга России, стремившегося к объединению существовавших антисоветских сил, после окончания Гражданской войны в России находился в эмиграции, в апреле 1920 г. приказом генерала П. Н. Врангеля назначен главой российской дипломатической миссии в Константинополе.

¹¹ Николай Иванович Дубягский — чиновник МИД, в 1918–1920 гг. — секретарь Организационного бюро «Союза возрождения России в единении с союзниками» в Риме.

¹² Спасов Л. Болгария и СССР 1917–1944... С. 42.

¹³ Василий Николаевич Штрандман (1873–1963) — русский дипломат, служил в миссиях в Дармштадте (Гессене, Германия), Софии, Константинополе (Турция), Цетинье (Черногория), Белграде (Сербия, 1911–1915), Риме (Италия). В 1919–1924 гг. представлял в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в ранге посланника правительство адмирала Колчака.

¹⁴ А. А. Нератов — министру, 22 сентября / 5 октября 1919 г., № 1502 // ГАРФ. Ф. Р-5805. Оп. 1. Д. 311. Л. 43.

Главой русской миссии в Софии был назначен Александр Михайлович Петряев, в прошлом товарищ министра иностранных дел, знаток славянской политики, который, по мнению коллег, «стоял головой выше большинства своих сослуживцев. В отличие от последнего царского посланника в Софии, А. А. Савинского, он не был дипломатом светского типа, он был техник-работяга, владевший шестнадцатью языками»¹⁵. В 1919 г. Александр Михайлович работал в управлении внешних сношений Деникина, рассматривался как кандидат на пост главы формировавшейся делегации в США, но должность не получил. Позже его прочили на пост посланника в Праге, остававшийся вакантным в связи с невыездом к месту службы С. В. Жуковского¹⁶. Затем кн. Львов, мечтавший о смещении С. Д. Сазонова с поста министра иностранных дел, начал усиленно выдвигать А. М. Петряева на эту должность¹⁷. Но, оказавшись в декабре 1919 г. в Париже¹⁸, последний принял пост посланника в Софии. И хотя, по наблюдениям современников, он «обязанности свои выполнял с большой шепетильностью», по-видимому, сам не очень верил в долгосрочность работы там¹⁹.

Александр Михайлович оставался деятелем старого режима, привыкшим опираться на величие Империи, которой служил. В новой ситуации, в стране, где отношение правительства к русским проблемам было неровным, а в массах ширились просоветские настроения, где надо было заниматься хозяйственными вопросами приема беженцев, их обустройством, работать ему было чрезвычайно сложно. Тем не менее, в Софии ценили русского представителя. Иностранные дипломаты консультировались с ним по важным проблемам региона, например, по фракийскому вопросу в связи с Севрским трактатом²⁰.

Прошло три месяца, прежде чем министр сообщил правительству, что А. М. Петряев выезжает «для предварительного выяснения вопросов», после чего отправится с докладом в Таганрог к А. И. Деникину, оставив в Софии намеченного на должность первого секретаря Н. И. Дубягского. В телеграмме С. Д. Сазонова в полную мощь звучит голос *министра иностранных дел Империи* (выделено мной. — Е. М.). Условием возобновления в Софии работы русского небошевистского представительства были названы: 1) заявление болгарского правительства о готовности признать Российское правительство, возглавляемое адмиралом А. В. Колчаком и представляемое на юге генералом А. И. Деникиным; 2) признание Софией сохраняющими силу всех лежавших на Болгарии до войны обязательств по отношению к России; 3) подтверждение готовности возместить все причиненные Болгарией во время войны убытки русской казне и «русскоподданным». Лишь после этого министр считал возможным *приступить* (выделено мной. — Е. М.) к возобновлению отношений²¹.

Донесение министра отправили 25 декабря. Армия А. В. Колчака в это время терпела поражения. Был сдан Омск, ослабленные и расколотые на две части в результате Харь-

¹⁵ Любимов Л. На чужбине. М., 1963. С. 116.

¹⁶ См.: Михайловский Г. Н. Записки... Кн. 2. М. 1993. С. 238–239, 652.

¹⁷ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву 7 октября 1919 г. // «Совершенно лично и доверительно». Т. 1. С. 121.

¹⁸ Там же. С. 128.

¹⁹ Любимов Л. На чужбине. С. 116.

²⁰ Михайловский Г. Н. Записки... Кн. 2. С. 653.

²¹ С. Д. Сазонов — Мининдел, Иркутск, А. А. Нератову, Таганрог. 25 декабря 1919 г. № 33/9-387 // ГАРФ. Ф. 10 003. Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира. Оп. 2. Посольство России во Франции. 1916–1924. К. 3.

ковской операции Красной армии (24 ноября – 12 декабря) силы А. И. Деникина оставили Екатеринодар. Объяснить поведение карьерного дипломата, опытного политика можно только катастрофическим отсутствием достоверной информации из России. По-видимому, в русских политических кругах в Париже неудачи Белых армий в этот период еще рассматривались как временные. Тем не менее, к моменту развала деникинского фронта и началу эвакуации Добровольческой армии миссия в Болгарию уже работала.

Личный состав представительства отследить довольно сложно. Нам не удалось обнаружить в архиве финансовые документы, дающие более точные сведения. Доступные источники носят описательный характер и отчасти противоречат друг другу. На сегодняшний день известны два списка личного состава посольства. Один приведен в мемуарах сотрудника дипломатического корпуса Г. Н. Михайловского и относится к концу 1920 г.²² Другой датируется 1922 г. и представляет собой справку советской агентуры о положении дел в Болгарии²³. В первом сотрудниками А. М. Петряева названы секретари: М. Н. Вейс (в скором времени был командирован в Константинополь и в Болгарию не вернулся) и Н. И. Дубягский, упоминаются С. Г. Богоявленский в качестве прикомандированного к миссии и Хаджи-Кулов как сохранивший место нештатного служащего. Советский агент пишет о Дублянском как секретаре миссии и Богоявленском в ранге советника²⁴.

Постепенно стала оформляться структура русского представительства в Болгарии. Управление иностранных дел правительства Деникина считало особо важным открытие консульства в Варне, куда должны были прибывать корабли с беженцами. Однако открытие затянулось, и консул, и его заместитель получили назначения лишь осенью 1920 г. Сведения о сотрудниках консульской части — начальнике П. П. Сергееве, его помощнике Б. А.(?) Быченском и консуле в Варне Свешникове — приводит в своем донесении советский агент²⁵. Подтвердить или опровергнуть их пока не представляется возможным.

Разместилось созданное посольство в великолепном здании бывшей императорской миссии, которое, однако, требовало постоянных затрат на ремонт и компенсацию разрушений, произошедших в ходе землетрясения в 1917 г.²⁶ Финансировалось консульство в 1920 г. за счет сумм, выплаченных в 1919 г. русской стороне болгарским правительством в качестве оккупационного фонда по итогам Первой мировой войны (всего 400 тысяч левов)²⁷. Сокращение личного состава Заграничного корпуса, проведенное в начале 1920 г., только что созданную миссию, по-видимому, не затронуло. В итоговом документе говорится, что на ее содержание временному поверенному были выделены средства «согласно действующим временным штатам»²⁸. Однако, полученных от болгарского правительства средств хватило на год: уже осенью 1920 г. А. М. Петряев

²² Михайловский Г. Н. Записки... Кн. 2. С. 651.

²³ Доклад по правым организациям в Болгарии, по состоянию на декабрь 1922 г. // Русская эмиграция 20–40-х годов... Т. 5. С. 500.

²⁴ Там же.

²⁵ Названные советским агентом консульские работники ранее в МИД не служили, упоминания о них в ежегодниках ведомства за 1916 г. отсутствуют.

²⁶ Любимов Л. На чужбине. С. 114.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-6851. Российское посольство в Париже. Оп. 1. Российское посольство в Париже. 1914–1926 гг. Д. 57. Л. 72, 257.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-5942. Отдел делегации, ведающей интересами русской эмиграции в Югославии. Белград. Оп. 4. Дела постоянного хранения. 1915–1923 гг. Д. 25. Л. 3–6.

поставил вопрос о дальнейшей судьбе посольства²⁹. Закрыть представительство в стране, расположенной в непосредственной близости от последнего очага антибольшевистской борьбы, было ни в коем случае нельзя. Руководство ведомством выделило на содержание миссии в Софии кредит в размере 7250 франков в месяц³⁰.

Крымская эвакуация в ноябре 1920 г. добавила к уже находившемуся за рубежом контингенту еще 146 000 человек! На повестку дня вышли вопросы выживания огромного числа людей, покинувших родину. Изгнанники оказывались в чужих странах без средств к существованию, часто без документов. Их надо было накормить, одеть, снабдить паспортами и расселить из мест первичной концентрации. Проблемы носили глобальный характер, решить их самостоятельно эмигрировавшие не имели возможности — необходима была помощь мирового сообщества и поддержка правительств стран, которые могли принять людей на свою территорию.

Русское беженство озаботилось созданием правительства в изгнании, но решение проблемы затягивалось и не сулило успеха. В этих обстоятельствах 2 февраля 1921 г. старейшина русского Заграничного дипломатического корпуса М. Н. Гирс созвал в Париже совещание послов, которое пришло к выводу о невозможности в сложившихся обстоятельствах закрыть заграничное представительство и бросить терпящих бедствие соотечественников на произвол судьбы. А. М. Петряев с энтузиазмом отнесся к известию о создании в Париже Совета послов. Особо он приветствовал выдвинутый М. Н. Гирсом принцип надпартийности этой организации, сохранения за ней характера государственного учреждения. Он видел в этом гарантии для продолжения деятельности дипломатического корпуса, писал, что с самого начала своей работы в Болгарии проводил данную линию в жизнь и считал, что именно «благодаря сохранению Дипломатическим представительством известной самостоятельности и независимости (от правительства П. Н. Врангеля. — *Е. М.*), последние события в Крыму не отразились на нашем здесь положении»³¹.

Отношения А. М. Петряева с болгарскими властями первоначально складывались вполне конструктивно. Они предоставили миссии право выдавать паспорта русским беженцам³². Все документы, составленные в миссии или консульстве, признавались законными. Власти подтвердили права консулов в области паспортных и нотариальных дел. Случаев нарушения каких-либо заключенных ранее с Россией конвенций также не наблюдалось. Однако посланник отмечал зыбкость этого внешнего благополучия. Сам вопрос о восстановлении договоренностей, отмененных состоянием войны, оставался открытым: мирные сношения были возобновлены фактически, закрепить этот факт официальным договором было некому³³.

На первых порах посол активно и вполне удачно отстаивал интересы соотечественников. Во время эвакуации белого Крыма в ноябре 1920 г. ему пришлось согласовывать вопросы возможности захода пароходов в болгарские порты, хотя бы и без спуска

---

²⁹ Копия письма посланника в Болгарии А. А. Нератову 16 сентября 1920 г., № 1519 // ГАРФ. Ф. Р-6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 72–73.

³⁰ АВПРИ. Ф. 192. Миссия в Софии. Оп. 527/2. Д. 56. Л. 24, 44, 56, и др.

³¹ А. М. Петряев — М. Н. Гирсу, 6 марта 1921 г. Лично. Совершенно доверительно // LRA. MS 1500. Zemgor Collection. Box 15.

³² См. подробнее: *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция. С. 71.

³³ Копия донесения А. М. Петряева М. Н. Гирсу 22 марта 1921 г. № 467 // ГАРФ. Ф. Р-5680. Канцелярия Министерства иностранных дел при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России. Париж. Оп. 1. Дела постоянного хранения. 1918–1926 гг. Д. 37. Л. 5.

пассажиры на берег. Параллельно он оформлял разрешения на въезд в страну для новых партий беженцев, решал вопросы их обустройства и финансового обеспечения³⁴. В январе 1921 г. он сумел добиться отмены для русских общего для всех пребывавших на территории Болгарии иностранцев ограничения прав передвижения по стране одним населенным пунктом. Его протесты избавили беженцев, размещенных в Провадийской общине, от распространения на них местными властями требования отбывать военную и трудовую повинность и платить военный налог³⁵.

Важнейшим и очень непростым делом миссии стало участие в расселении подразделений армии П. Н. Врангеля, интернированных на территории Турции. А. М. Петряев, как и другие работавшие в регионе дипломаты, не поддержал руководство своего ведомства в конфликте с генералом П. Н. Врангелем. Совет послов считал утопией, мешающей гуманитарной работе по спасению жизней соотечественников, стремление командования армии сохранить ее как военную силу для продолжения вооруженной борьбы в России. Для этого требовалось перевести войска из Турции в другие страны с сохранением военной организации и вооружения. Главы русских представительств в Белграде и Софии приняли активное участие в переговорах эмиссара П. Н. Врангеля генерала П. Н. Шатилова с местными правительствами о перебазировании на их территории личного состава армии именно в качестве военных подразделений. В результате удалось подписать соглашение с болгарским правительством. Причем, ограниченный Нейским договором в праве содержать собственную армию в 20 тысяч человек, софийский кабинет не просто согласился, но поставил условием прибытие русских в организованном порядке со своим командным составом. На Главное командование возлагалась ответственность за благонадежность переводимых контингентов, за готовность своим трудом облегчить болгарскому правительству их содержание³⁶. В первое время соединения должны были обеспечиваться на средства, собранные и заранее переведенные Советом послов в государственный банк Болгарии. Речь шла о 13 млн левов³⁷.

Разрешенная, как казалось, к взаимному удовлетворению проблема дала осечку уже через год. Нестабильное внутреннее положение в Болгарии, потерпевшей поражение в Первой мировой войне, стало благотворной почвой для провокаций советских спецслужб. «Земледельческое» правительство А. Стамболийского поверило дезинформации о намерении барона П. Н. Врангеля поддержать переворот оппозиционной болгарской организации «Военная лига». Было скомпрометировано и «старое» российское посольство, на территории которого представители власти обнаружили оружие. В результате, против русской колонии развернули беспрецедентные гонения: аресты, допросы в присутствии советских представителей. Из страны был выслан практически весь высший русский командный состав, а подразделения разоружены³⁸.

³⁴ А. М. Петряев — А. А. Нератову, 24, 30 ноября 1920 г. № 134, 135; А. М. Петряев — посольству, 29 ноября 1920 г., № 134 // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Д. 148. Л. 123, 124, 99.

³⁵ *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция. С. 45.

³⁶ П. П. Топалджиков — В. Е. Вязьмитинову, 5 июня 1921 г., № 768 // ГАРФ. Ф. Р-5942. Отдел делегации, ведающей интересами русской эмиграции в Югославии. Белград. Оп. 2. Дела постоянного хранения. 1919–1925 гг. Д. 11. Л. 314.

³⁷ *Белоконь И. А.* Дипломатическая борьба П. Н. Врангеля за переброску Русской армии в Болгарию и Королевство СХС (1921–1922) // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11). С. 137.

³⁸ См.: *Русская военная эмиграция 20–40 годов.* М., 2002. С. 8. — Подробнее см.: *Спасов Л.* Врангеловата армия в България 1919–1923. София, 1999. — В последние 20 лет вышло

А. М. Петряев тяжело переживал происходившее. Стараясь помочь соотечественникам, он вел переговоры с болгарскими должностными лицами, встречался с главой правительства³⁹. Дипломат резко протестовал против намерения местных властей репатриировать арестованных беженцев в советскую Россию, заявив в ноте правительству, что возвращение на родину для них равносильно смертной казни. Апеллируя к тому, что даже в странах, заключивших соглашение с советскими властями (Польша), политические эмигранты не выслались обратно, он предложил перевести арестованных, если они воспринимаются болгарскими властями опасными для страны, в Константинополь. Поддержанный французским представительством протест возымел действие⁴⁰.

Однако, пытаясь повлиять на ход событий, А. М. Петряев, по-видимому, так и не нашел верного тона в общении с местными политиками. Он слишком часто прибегал к поддержке иностранного дипломатического корпуса, прежде всего, французского посланника. Последний оказывал русской миссии активную помощь, следуя распоряжениям своего руководства, надеявшегося, что размещение врангелевских контингентов остудит закипавшую в коммунистическом котле Болгарию. Однако ситуация только накалялась. Осенью 1922 г. правительство приняло решение закрыть русское посольство, арестовать остававшиеся от депонированного Советом послов на содержание контингентов Русской армии фонда в 11 млн левов и допустить на свою территорию миссию советского Красного Креста (далее — РОКК).

Под флагом благотворительной организации из Москвы прибыло, по сути, полноценное представительство, включавшее дипломатический, военный, коммерческий, политический отделы, секции разведки и пропаганды, репатриации, собственно Красного Креста и прочие подразделения⁴¹. Быстро сориентировавшись в ситуации, его руководитель И. С. Корешков перешел к активным действиям. 29 октября на встрече с министрами финансов и внутренних дел Болгарии, советский эмиссар предъявил претензии как на арестованный фонд в 11 млн левов, так и на русское имущество, в частности, то, что находилось в посольстве. А. М. Петряев с аналогичным запросом обратился лишь 3 ноября⁴².

Правительство уклонилось от определения судьбы арестованных денег, так же как и закрытых им складов врангелевских армейских контингентов до возвращения в Софию принимавшего участие в Лозаннской конференции премьера А. Стамболийского⁴³. Миссию РОКК это не устраивало: И. С. Корешков потребовал передать ему 5 млн левов из фонда

несколько диссертаций, посвященных армии П. Н. Врангеля в эмиграции: *Радков А. В.* Русская армия генерала П. Н. Врангеля в эмиграции (ноябрь 1920 – сентябрь 1924 гг.): Военно-политический и социальные аспекты: Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007; *Ряховская И. С.* Эмиграция Русской армии генерала П. Н. Врангеля: 1920–1923 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2009; *Морошкин В. А.* Эмиграция военных и гражданских лиц из России в Болгарию и ее военно-политические последствия: 1919–1944 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.

³⁹ А. М. Петряев — М. Н. Гирсу, 11 июня 1922 г., № 817; 26 сентября 1922 г., № 1465 // ГАРФ. Ф. 10 003. Оп. 2. К. 10.

⁴⁰ *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция... С.65.

⁴¹ А. М. Петряев — М. Н. Гирсу, 8 ноября 1922 г., № 1765 // ГАРФ. Ф. 10 003. Оп. 2. К. 10.

⁴² Письмо И. С. Корешкова С. Ю. Богоцкому, 8 декабря 1922 г // Русская военная эмиграция 20–40-х годов... Т. 3. С. 294.

⁴³ Доклад уполномоченного Российского Красного Креста в Болгарии И. С. Корешкова 22 декабря 1922 г. // Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 3. С. 303.

Совета послов на создание в Варне питательных пунктов для врангелевских солдат, ожидавших репатриации. Опротестовав это требование, 25 декабря А. М. Петряев повторно потребовал возвращения денег в его распоряжение и вновь получил отказ.

В первой половине декабря представитель болгарского МИД Кисимов сообщил А. М. Петряеву о намерении правительства до конца года закрыть миссию. Не видя возможности в сложившихся обстоятельствах бороться за сохранение представительства, посланник озаботился вопросом обеспечения защиты интересов соотечественников. Однако высказанное им предложение образовать особый Комитет или секцию при МИД или же установить покровительство над русскими одной из иностранных держав были отклонены болгарской стороной. Аргументом служила ссылка на отсутствие состояния войны между двумя странами. Со своей стороны, болгарское правительство предполагало передать защиту интересов русской колонии на общих основаниях в МВД королевства. А. М. Петряев посчитал такой подход неоправданным и совершенно недостаточным. Он видел необходимость обеспечения какого-либо контроля за ситуацией, «хотя бы через представителя Лиги наций Коллинса»⁴⁴.

События в Болгарии чрезвычайно обеспокоили Совет послов. Его представители обратились за помощью к председателю беженского офиса Лиги Наций Ф. Нансену, вели активные переговоры с членами делегаций разных стран на открывшейся 20 ноября 1922 г. международной конференции в Лозанне⁴⁵. Им удалось придать проблеме международный характер. Вследствие давления, которое было оказано в Лозанне на болгарского премьера А. Стамболийского, прежде всего, членами французской делегации, преследования русских эмигрантов в этой стране были приостановлены. Правительство пошло на уступки, отказавшись от идеи передать защиту беженцев в МВД и предложив компромиссный вариант создания русско-болгарского комитета. Наметился прогресс и в отношении судьбы дипломатического представительства: в Софии было опубликовано опровержение сообщений о решении закрыть русское представительство. Кисимов стал отрицать факт беседы об этом с А. М. Петряевым. Наконец, правительство включило миссию в дипломатический лист на следующий год, что открывало определенные перспективы.

Русская колония в Болгарии, со своей стороны, возможность закрытия посольства восприняла чрезвычайно остро. 16 декабря посольство посетила депутация представителей общественных организаций во главе с управляющим русскими православными общинами в Болгарии епископом Серафимом Лубенским, которая сделала заявление о том, что, с точки зрения колонии, прекращение деятельности миссии недопустимо. Депутаты настаивали на продолжении ее работы хотя бы в составе второстепенных чиновников, если пребывание самого А. М. Петряева в стране станет невозможным⁴⁶.

---

⁴⁴ А. М. Петряев — М. Н. Гирсу, 18 декабря 1922 г., № 19 // ГАРФ. Ф. Р-6094. Гулькевич Константин Николаевич, дипломат, российский посол в Швеции, дипломатический представитель белогвардейских правительств в Стокгольме. Оп. 1. Дела постоянного хранения. 1880–1935 гг. Д. 42. Л. 196.

⁴⁵ Телеграммы М. Н. Гирса А. М. Петряеву от 13, 23, 29 декабря 1922 г., № 117, 123, 128 // ГАРФ. Ф. 10 003. Оп. 2. К. 10. — Беженский офис Лиги наций с 1922 г. создавал свои представительства в странах, где размещались значительные контингенты русских беженцев. Первоначально он стоял на принципиальной позиции о том, что русские не должны допускаться до работы в этих представительствах.

⁴⁶ Бочарова З. С. «... Не принявший иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1920-е годы. СПб., 2005. С. 224.

Говорилось о том, что принимаемое решение имеет «громадное принципиальное значение для русской зарубежной государственности» и создает «очень тяжелый прецедент для дипломатических представительств в других странах»⁴⁷.

Между тем, ни уговоры, ни установки председателя Совета послов М. Н. Гирса⁴⁸ сохранить миссию не возымели действия на А. М. Петряева, который в сложившейся обстановке занял жесткую, не соответствующую соотношению сил позицию. Он выразил уверенность, что против него будут продолжаться провокации, и отказывался уповать на то, что, по выражению С. Г. Богоявленского, «часто окончательно принятые Болгарским правительством решения с течением времени утрачивают свою остроту и могут подвергнуться значительным изменениям»⁴⁹. Дипломат выдвинул ряд условий продолжения своей работы в Софии. Среди них были требования: 1) заявления со стороны правительства о том, что оно не возражает против сохранения представительства; 2) прекращения «унизительного преследования русских по наущению большевиков»; 3) немедленного возвращения арестованного фонда⁵⁰. Столь категоричная постановка вопроса в накаленной обстановке начала 1923 г. привела к тому, что болгарские власти не только утвердились в своем решении закрыть миссию и стали требовать выезда из страны всех ее сотрудников, но и не оставили никакой надежды возобновить представительство Совета послов в Болгарии в будущем. Единственное, что удалось на тот момент урегулировать в Софии — возможность оставить в городе С. Г. Богоявленского, формально прикомандированного к канцелярии представителя беженского офиса Лиги наций «без какого-либо официального положения в глазах местных властей»⁵¹.

10 января 1923 г. А. М. Петряев закрыл миссию и вместе с сотрудниками покинул Болгарию⁵². Отъезд посольства был превращен в торжественную демонстрацию. Русских дипломатов провожали представители царя, министерства иностранных дел и весь дипломатический корпус Софии⁵³. Русская колония, разнородная по своему составу и положению, на это событие отреагировала по-разному. Например, представительница академических кругов К. Флоровская полагала, что на ее семье это никак не отразится⁵⁴.

---

⁴⁷ Протокол беседы епископа Серафима Лубенского и представителей русских общественных организаций в Болгарии с российским дипломатическим представителем в Болгарии А. М. Петряевым, 16 декабря 1922 г., София // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7). С. 221–224.

⁴⁸ Михаил Николаевич Гирс (1856–1932) — русский дипломат, был посланником в Бразилии, Аргентине, Китае, Баварии, Румынии, Османской империи, Италии. В Риме стал старейшиной дипломатического корпуса, оставался на этом посту после Февральской революции 1917 г., октябрьскую революцию встретил послом в Италии, в 1921 г. инициировал в Париже совещание не признавших РСФСР российских послов, на котором был создан Совет послов и Финансовый комитет, их председателем избран М. Н. Гирс. Один из создателей уникального «государства вне границ» — Русского Зарубежья, участвовал в решении всех значимых для беженства вопросов.

⁴⁹ Копия письма С. Г. Богоявленского М. Н. Гирсу, 13 января 1923 г., № 2 // ГАРФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 44.

⁵⁰ А. М. Петряев — М. Н. Гирсу, 24 декабря 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 224.

⁵¹ А. М. Петряев — М. Н. Гирсу, 6 января 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 20.

⁵² Дополнительно о А. М. Петряеве см.: *Искендеров П. А. Александр Михайлович Петряев // Вопросы истории. 2018. № 1. С. 18–32.*

⁵³ Копия письма С. Г. Богоявленского М. Н. Гирсу, 13 января 1923 г., № 2 // ГАРФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 44.

⁵⁴ *Флоровская К.* Мне надо, чтобы моя жизнь имела какую-нибудь цель и смысл. Клавдия Флоровская: Письма к братьям Георгию и Антонию Флоровским. Zelena Gura, 2019. С. 104.

Но в рядах «правой» эмиграции, по мнению советских агентов, произошедшее вызвало страшное волнение. Говорили, что А. М. Петряев с отъездом слишком поторопился, поставив тем самым всех русских в Болгарии в страшное положение и содействовал ускорению прибытия официальной советской миссии. Объяснения его действий варьировались в диапазоне от субъективных причин до обвинений в предательстве⁵⁵.

Прекращение деятельности болгарского представительства нанесло ощутимый удар русской беженской колонии. Даже советский агент признавал, что посланник «оказывал некоторую материальную помощь бедным и являлся постоянным ходатаем и заступником за арестованных и высылаемых врангелевцев»⁵⁶. Возникли огромные трудности с документами, которые ранее изгнанники получали в посольстве. С. Г. Богоявленский сохранил право выдавать справки, с которыми считались болгарские чиновники, однако он не имел права выдавать паспорта. Беженцам, проживавшим в Болгарии, не оставалось ничего другого, как получать их в одном из русских представительств в приграничных странах⁵⁷. В связи с закрытием миссии возникала угроза утраты колонией шипкинского госпиталя, располагавшегося в помещениях, находившихся в ведении посольства⁵⁸.

Обострились проблемы с имуществом, и, прежде всего, с принадлежавшей представительству недвижимостью. Здание представительства было опечатано и передано на сохранение голландцам, которые обеспечивали его неприкосновенность в период Первой мировой войны. Однако болгарские власти добивались от Гааги передачи здания им⁵⁹. Через несколько дней после отъезда миссии специально созданная голландско-болгарская комиссия опечатала имущество на втором этаже строения. Беженским организациям остался доступным только первый этаж, где размещалось имущество частных лиц и находилась квартира С. Г. Богоявленского. Позже власти настояли, чтобы и он переехал в гостиницу. Хранителем здания был назначен переводчик Кулев, а во избежание провокаций распоряжением болгарского правительства около дома установили сторожевой пост⁶⁰. 9 апреля 1924 г. в присутствии голландского вице-консула в Софии была проведена проверка имущества. В конце июля того же года властям удалось согласовать передачу строения под надзор болгарского государствен-

---

⁵⁵ Аналитическая записка, перехваченная агентурой ГПУ, февраль 1923 г.; Доклад по правым организациям в Болгарии, по состоянию на декабрь 1922 г. // Русская военная эмиграция 20–40-х годов... Т. 5. С. 498. — Следует сказать, что поступок А. М. Петряева — единственный подобный случай за всю более чем двадцатилетнюю историю русской эмигрантской дипломатической службы. Русские дипломаты попадали в самые разные, порой критические ситуации, многим приходилось работать на общественных началах, не получая жалованья за свой нелегкий труд. Но, руководствуясь чувством долга и ответственностью перед соотечественниками, они стремились сохранить и продлить до последней возможности существование и работоспособность своих представительств.

⁵⁶ Доклад по правым организациям в Болгарии, по состоянию на декабрь 1922 г. // Русская военная эмиграция 20–40-х годов... Т. 5. С. 499.

⁵⁷ В. Н. Штрандтман — М. Н. Гирсу, 14 апреля 1923 г. // LRA. MS 1500. Zemgor Collection. Box 15.

⁵⁸ Доктор К. П. Каклюгин — генералу И. П. Ставицкому, 17 декабря 1922 г. // Русская военная эмиграция 20–40-х годов... Т. 1. Кн. 2. С. 686.

⁵⁹ А. М. Петряев — М. Н. Гирсу, 18 декабря 1922 г., № 19 // ГАРФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 196.

⁶⁰ С. Г. Богоявленский М. Н. Гирсу, 14 января 1923 г., № 3 // ГАРФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 48.

ного надзирателя Константина Сарикова⁶¹. В посольском здании все последующие годы будет работать русско-болгарский комитет.

С возвращением в декабре 1922 г. в Софию А. Стамболийского обстановка в стране и отношение к беженцам существенным образом поменялись. Премьер остановил преследования русских антибольшевиков, встав на позицию полного беспристрастия по отношению к политическим течениям в их среде. Он распорядился о создании русско-болгарского комитета, причем болгарская сторона без возражений приняла все предложенные русскими кандидатуры⁶². Как сообщал С. Г. Богоявленский в письме М. Н. Гирсу, во время проводов миссии один из представителей МИД, П. Д. Петков⁶³, буквально накануне возражавший против официального оставления дипломата в Софии, высказал надежду на то, что С. Г. Богоявленский сможет помочь болгарам «в наилучшем устройении положения беженцев» и предположил возможность обретения миссией официального положения⁶⁴.

В начале 1923 г. С. Г. Богоявленский питал радужные надежды на то, что ему удастся отстоять посольский дом, вернуть арестованный болгарским правительством фонд и добиться собственного признания. Однако его действия оказались непоследовательными и направленными не столько на возобновление опеки русской колонии, сколько на утверждение личного положения. Он не пожелал идти в подчинение к представителю беженского офиса Лиги Наций, заявил болгарским властям о мнимой болезни своей супруги, которая вынуждала его на неопределенно длительный срок задержаться в Софии, стремился дискредитировать перед своим руководством сформированный русско-болгарский комитет. В письмах в Совет послов С. Г. Богоявленский жаловался на распоряжение комитета о получении всеми русскими новыми паспортами в болгарском МВД, на попытки правительства взять под свой контроль расходование русскими организациями денежных фондов⁶⁵, обвинял членов русских организаций в стремлении захватить квартиры в здании посольства⁶⁶. А в Софии широко обсуждалось его финансовое положение — циркулировали слухи о том, что он за одну ночь проиграл в клубе 400 тысяч левов⁶⁷.

Характер деятельности С. Г. Богоявленского вызывал серьезные опасения М. Н. Гирса, который на первое место ставил не форму представительства, а суть — помощь и поддержку соотечественникам, оказавшимся в невероятно сложных условиях. Позднее,

---

⁶¹ Кёсева Ц. Установление болгаро-советских дипломатических отношений и судьбы посольской церкви в Софии // *Славяноведение*. 2007. № 4. С. 47.

⁶² Копия письма С. Г. Богоявленского М. Н. Гирсу, 13 января 1923 г., № 2 // ГАРФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 43, 46.

⁶³ Петко Димитров Петков (1891–1924) — болгарский политический и общественный деятель, лидер левого крыла Болгарского земледельческого народного союза, с июля 1920 по 1922 г. работал в болгарской дипломатической миссии в Париже, в 1922 г. принимал участие в Генуэзской конференции в качестве помощника Александра Стамболийского, в 1922–1923 гг. директор политического департамента Министерства иностранных дел.

⁶⁴ Там же. Л. 45.

⁶⁵ Копия письма С. Г. Богоявленского М. Н. Гирсу, 10 февраля 1923 г., № 10 // ГАРФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 64.

⁶⁶ С. Г. Богоявленский М. Н. Гирсу, б/д, январь 1923 г // ГАРФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 50.

⁶⁷ В. Н. Штрандтман — М. Н. Гирсу, 18 марта 1923 г. // LRA. MS 1500. Zemgor Collection. Box 15.

в 1924 г. эти установки будут оформлены в особую записку, рекомендовавшую порядок действий посольствам на случай признания СССР правительством страны пребывания. Пока же в своих инструкциях Гирс призывал дипломата всячески избегать каких-либо осложнений с болгарскими властями и отказаться от раздражавших правительство обращений к иностранным представителям, оставив это средство на крайний случай. Председатель Совета послов решительно высказывался за сотрудничество с созданным Комитетом⁶⁸. Однако подчиненный не слышал пожеланий руководства. Тон его донесений не изменился⁶⁹. По мнению доверенного лица барона П. Н. Врангеля, генерала И. П. Ставицкого⁷⁰, доведенного им до руководства Совета послов, С. Г. Богоявленский ни для болгар, ни для русских не был приемлемой фигурой, никому не внушал ни симпатий, ни уважения.

В апреле 1923 г. М. Н. Гирс отправил в Софию свое доверенное лицо — посланника при Святом престоле А. И. Лысаковского, важнейшей задачей которого было решение судьбы арестованного фонда в 11 млн левов. Заинтересованный в этом вопросе С. Г. Богоявленский видел три пути его разрешения: 1) передача средств в распоряжение русско-болгарскому комитету (этот вариант вызывал протест А. М. Петряева, а потом и С. Г. Богоявленского)⁷¹; 2) получение средств в распоряжение русских общественных организаций, ходатайствовавших об этом перед Советом послов (по-видимому, они полагали, что болгарскому правительству будет проще вернуть финансы им, а не дипломатам); 3) возвращение денег в ведение исключительно Совета послов (этот вариант полностью устраивал С. Г. Богоявленского, который просил оставить неизменным порядок их расходования при посредстве Особого финансового совещания под его председательством)⁷².

Со своей стороны, генерал И. П. Ставицкий, к мнению которого склонялся и посланник в сопредельной Югославии, считал, что требовать возвращения денег в русские руки в сложившейся ситуации бессмысленно, «а потому следует искать такой способ их расходования, хотя бы через существующий Комитет, который обеспечивал бы в наибольшей мере тех, на кого эти деньги были ассигнованы»⁷³. Для достижения этой цели он считал необходимым включение в комитет представителя Совета послов, с тем чтобы ему была поручена финансовая часть. Однако И. П. Ставицкий сомневался в целесообразности передачи дел С. Г. Богоявленскому. М. Н. Гирс принял эту точку зрения и согласился передать фонд в распоряжение Комитета при условии заведования им его назначенцем⁷⁴.

---

⁶⁸ См.: М. Н. Гирс — С. Г. Богоявленскому, 7 февраля 1923 г., № 129 // ГАРФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 60.

⁶⁹ О закрытии русского посольства см.: *Бочарова З. С.* «...Не принявший иного подданства»... С. 224–227.

⁷⁰ Генерал-лейтенант Иван Павлович Ставицкий с декабря 1920 г. до 1925 г. занимал пост представителя барона Врангеля в Болгарии.

⁷¹ Копия письма С. Г. Богоявленского М. Н. Гирсу, 13 января 1923 г., № 2 // ГАРФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 45.

⁷² С. Г. Богоявленский — М. Н. Гирсу, б/д, январь 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 52.

⁷³ В. Н. Штрандтман — М. Н. Гирсу, 18 марта 1923 г. // LRA. MS 1500. Zemgor Collection. Vox 15.

⁷⁴ В. Н. Штрандтман — М. Н. Гирсу, 2 апреля 1923 г. // LRA. MS 1500. Zemgor Collection. Vox 15.

Реалистичность выбранного пути дала возможность Лысаковскому не только заключить с пришедшим к власти правительством Цанкова соглашение об устраивавшей обе стороны судьбе русских денег⁷⁵, но и добиться разрешения на въезд в страну доверенного лица Совета послов, хоть и без каких-либо официальных полномочий.

М. Н. Гирс направил в Софию Бориса Саввича Серафимова, который относился к младшему поколению имперских дипломатов, не пошедших на службу советской России. До 1917 г. никаких заметных постов он в министерстве иностранных дел не занимал. Но уже в 1918 – начале 1919 г. в качестве единственного представителя России в Константинополе проявил себя тактичным, твердым и настойчивым в отстаивании национальных интересов дипломатом.

Б. С. Серафимов прибыл в Софию в мае 1923 г. с неопределенным статусом и занял в Комитете место казначея. Работу его осложняла и компрометировала в глазах властей немедленно возникшая конфронтация с С. Г. Богоявленским, который продолжал интриговать и называл себя представителем Совета послов. Конфликт быстро накалялся, уже в июне новый представитель будет настаивать на отзыве из Софии коллеги, превратившегося в соперника⁷⁶. В дальнейшем Б. С. Серафимов сменил на посту представителя нансеновского комитета в Софии д-ра Дж. Коллинса, его помощниками станут Н. И. Дубягский и Н. Н. Кордунян. Объединив таким образом представительство колонии, Б. С. Серафимов фактически унаследует комплекс ответственности посольства, получив, в том числе, в подчинение русские консульства в Болгарии.

Интересно, что скандал вокруг русского посольства, связанный с его закрытием, по всей видимости, не отразился на деятельности консульских учреждений. Генконсульство в Софии продолжило оказывать услуги согражданам в качестве одного из подразделений русско-болгарского комитета. Согласно принятому в январе 1920 г. штатному расписанию русского Заграничного дипломатического корпуса, в Болгарии должно было работать только одно консульство — в Варне, — на содержание которого отводились средства. Однако, как это было и в других странах, русские дипломаты, даже лишившись денежного содержания, продолжали оказывать помощь своим соотечественникам. В октябре 1923 г. действовали русские представительства в Пловдиве⁷⁷ и в Рушуке⁷⁸. До 1926 г. консульства выдавали беженцам удостоверения личности⁷⁹, а позже и нансеновские сертификаты⁸⁰. Они обладали правом заверения подписей под документами, подтверждали благонадежность, регулировали вопросы по сохранению и передаче наследственных прав.

Приход к власти 9 июня 1923 г. вследствие военного переворота антикоммунистического «Демократического сговора» под руководством А. Цанкова стал для русской беженской колонии началом периода наибольшего благопритвования. Новое прави-

---

⁷⁵ М. Н. Гирс — Б. С. Серафимову, 24, 30 июля 1923 г., № 60 // ГАРФ. Ф. 10 003. Оп. 2. К. 13.

⁷⁶ В. Н. Штрандтман — М. Н. Гирсу, 18 июня 1923 г. // LRA. MS 1500. Zemgor Collection. Vox 15.

⁷⁷ Г. П. Греков — Б. С. Серафимову, 13 октября 1923 г. // АВПРИ. Ф. 192. Оп. 527. Д. 290. Л. 5.

⁷⁸ АВПРИ. Ф. 192. Оп. 527. Д. 57. Л. 12, 14, 44.

⁷⁹ З. С. Бочарова пишет о параллельной выдаче русским эмигрантам паспортов болгарским МВД (*Бочарова З. С. «...Не принявшие иного подданства»... С. 129*).

⁸⁰ Этому, по-видимому, содействовало то, что Б. С. Серафимов был представителем одновременно и Лиги Наций, и Совета послов.

тельство решительно порвало с просоветскими настроениями, распорядилось арестовать всех русских коммунистов, а также тех, кто хотел вернуться в Россию, и собрать их в Варне для отправки на Родину. Ранее высланным из страны офицерам было разрешено вернуться в свои части.

Неоднозначно развивалась ситуация с арестованным фондом. Болгарское правительство не выпустило его из рук, предпочитая выдавать отдельные транши на содержание нуждающихся русских беженцев. Так, по сведениям Ц. Кёсовой, 14 июня 1923 г. оно выделило русско-болгарскому комитету 1,5 млн левов, неделю спустя еще 1,875 млн левов, 18 октября — 3,649 млн левов. При этом оно использовало средства фонда по собственному усмотрению. Не уведомив Комитет, правительство А. Цанкова в октябре–ноябре 1923 г. сняло сумму в 1 227 108 левов для высылки «опасных» лиц, главным образом большевиков, в советскую Россию. В начале 1924 г. на те же цели начальнику Общественной безопасности было перечислено 62 467 левов. И лишь 9 апреля 1924 г., уступая настояниям Комитета, Совет министров постановил передать ему остатки суммы⁸¹, прибавив к ним, согласно данным советской разведки, компенсацию за переданные в свое время А. Стамболийским просоветскому «Союзу возвращения» 1,5 млн левов⁸².

С течением времени Б. С. Серафимов сумел приобрести большой авторитет и в русской колонии, и у болгарских властей. В 1930-е годы он оставался членом русско-болгарского комитета, был неперменным участником всех создававшихся правительством учреждений, которые занимались проблемами русских беженцев: Комиссии по изучению действительных нужд русских беженцев, Центральной комиссии по распределению кредитов между русскими эмигрантскими организациями, и других⁸³. Круг текущих задач Б. С. Серафимова, куда традиционно входило обеспечение соотечественников документами и визовая поддержка, с течением времени расширялся в связи с возникающими проблемами. Например, решение болгарского правительства об обязательном получении русскими эмигрантами нансеновских сертификатов, срок действия которых ограничивался одним годом, обременило их владельцев необходимостью долговременного хождения по инстанциям и довольно высокой стоимостью. Уже в 1928 г. Б. С. Серафимов получил целый ряд коллективных обращений с просьбой ходатайствовать перед болгарским правительством об отмене обязательности нансеновских паспортов⁸⁴. Настроения соотечественников совпадали с отношением к этому вопросу Совета послов, который изначально настаивал на факультативности данных документов. Деятельность Серафимова, поддержанная на международном уровне работой русской дипломатии в Лиге Наций, привела к удовлетворению требований русской общины в Болгарии.

Б. С. Серафимов никогда не выпускал из поля зрения проблемы занятости русских беженцев. Для облегчения процесса отправки желавших перебраться во Францию для работы на заводах, он взял под свой контроль заполнение приходивших из-за границы безымянных контрактов. Это значительно облегчило и ускорило процесс переезда.

---

⁸¹ Кёсова Ц. Болгария и русская эмиграция... С. 139.

⁸² Сводка донесений венской резидентуры иностранного отдела ОГПУ от 2 мая 1924 г. // Русская военная эмиграция 20–40-х годов... Т. 4. С. 97.

⁸³ Кёсова Ц. Болгария и русская эмиграция... С. 144, 146.

⁸⁴ Заявление группы русских рабочих Сарамбей 10 января 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-6711. Штаб Донского корпуса. Константинополь, Стара-Загора, София. Оп. 1. 1920–[1942]. Д. 44. Л. 223–224.

Неоднократно ему приходилось вставать на защиту соотечественников, когда появлялась угроза потери ими работы. В 1926 г. он добился благожелательного для русских толкования предписания министерства торговли, промышленности и труда от 14 июня 1926 г., при проведении которого в жизнь многие эмигранты могли потерять работу⁸⁵. Его обращения в правительство в тяжелейших условиях разрастания безработицы в Болгарии в период экономического кризиса 1931 г. позволили отвести угрозу увольнения от многих групп занятых на болгарских производствах русских рабочих и служащих⁸⁶. Тогда же он помог Русскому общетрудовому союзу выхлопотать у болгарской инспекции труда 64 рабочих места для русских эмигрантов⁸⁷.

Много внимания представитель Совета послов уделял размещенным в Болгарии русским инвалидам. Кроме того, в его компетенцию входило школьное дело. В начале 1930-х годов, когда из-за нехватки средств стали объединять и закрывать русские учебные заведения в стране, он помог обедневшему частному лицу В. П. Кузьминой получить помощь в 78 тыс. левов в год, которая не покрывала всех нужд школы, но дала возможность обучать там детей из бедных русских семей.

В 1932 г. умер М. Н. Гирс, Совет послов возглавил В. А. Маклаков⁸⁸. На практическую деятельность представителя в Болгарии эти изменения большого влияния не оказали. Активной переписки с центром, как следует из подготовленной для нового руководителя записки, он не вел⁸⁹. Однако изменения в международной обстановке не обходили колонию стороной. В 1934 г. сразу два события положили конец благоприятному периоду пребывания русских эмигрантов в Болгарии. Летом были установлены дипломатические отношения между Софией и СССР. Согласно п. 1 Болгаро-советского протокола, оба государства приняли на себя обязательства «не создавать, не поддерживать и не разрешать пребывание на своей территории организаций, ставящих своей целью вооруженную борьбу против второй договаривающейся стороны... или присваивающих себе роль правительства другого государства или части его территории»⁹⁰.

---

⁸⁵ Благодарственное письмо Б. С. Серафимову русской колонии Старо-Загоры, август 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р-6711. Оп. 1. Д. 44. Л. 57.

⁸⁶ Министерство иностранных дел и культов Болгарии Б. С. Серафимову. 24 декабря 1931 г. // ГАРФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 9. Л. 64.

⁸⁷ *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция... С. 169–170.

⁸⁸ Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) — общественный и политический деятель, юрист, адвокат, депутат II, III и IV Государственных дум, в октябре 1917 г. назначен Временным правительством российским послом во Франции, до установления дипломатических отношений между СССР и Францией в 1924 г. исполнял обязанности посла. Активный сторонник Белого движения, в 1918 г. по его инициативе в Париже образовано Сопровождение российских послов (избран его председателем), в 1919 г. вошел в состав Русского политического совещания и Русской политической делегации в Париже, в 1924–1957 гг. (с перерывом в 1-пол. 1940-х гг.) возглавлял Центральный офис по делам русских беженцев во Франции (находившийся под двойной юрисдикцией — Лиги наций и МИД Франции) и являлся главой Эмигрантского комитета, представлявшего интересы русских эмигрантов во Франции, с 1922 г. председатель, затем почетный председатель Московского землячества в Париже, член Комитета русских юристов за границей, с 1924 г. руководитель Русского комитета объединенных организаций, с 1937 г. председатель Комитета Франко-русского института, и др.

⁸⁹ LRA. MS 1500. Zengor Collection. Box 20.

⁹⁰ *Кёсева Ц.* Русские эмигрантские организации в Болгарии (общая характеристика) // http://zarubezhje.narod.ru/texts/kjoseva03.htm#_edn13 (дата обращения — 23.06.2023).

Для Б. С. Серафимова, в отличие от представителей Совета послов в других странах, признание Болгарией СССР не означало необходимости изменения статуса: миссия была давно закрыта. Внешне изменения выразились в утрате здания посольства, переданного советской стороне. В течение нескольких лет дипломату пришлось работать в обстановке, как пишет Ц. Кёсева, «стагнации в деятельности русских организаций». Впрочем, репрессий против них не проводилось, болгарские власти были озабочены только «недопущением ярких антисоветских проявлений»⁹¹. Официальное положение Б. С. Серафимов сохранял как уполномоченный Нансеновского офиса Лиги Наций.

В том же году СССР был принят в Лигу Наций, его представители сразу стали настаивать на исключении из повестки дня организации русского вопроса и ликвидации в 1939 г. беженского офиса имени Ф. Нансена⁹². Советские дипломаты требовали отстранения от участия в эмигрантском вопросе «русского элемента как в центре, так и на местах»⁹³. Это самым непосредственным образом затрагивало Б. С. Серафимова, который мог лишиться оснований для работы и, соответственно, своих полномочий. Под угрозой оказались интересы русской колонии в Болгарии, и дипломат обратился за инструкциями к руководству Совета послов⁹⁴.

Лидер Совета, В. А. Маклаков, в сложившихся обстоятельствах пошел по пути предоставления каждому представительству свободы действий в контактах с местным правительством. Таким же был ответ и в Софию⁹⁵. Оценив ситуацию, Б. С. Серафимов посчитал, что попытки вернуться к прежнему состоянию дел будут бесперспективными, а создание еще одной организации в стране бесполезным, «потому что в болгарских общественных и правительственных кругах такой орган мало чем отличался бы от других местных беженских организаций, из которых каждая претендует на какое-то представительство русских интересов»⁹⁶.

Б. С. Серафимов предпринял попытку обрести опору в центральных эмигрантских учреждениях Парижа, предложив определить свое положение как *Representant en Bulgarie de l' Office Central des Réfugiés Russes* (представитель в Болгарии Центрального офиса русских эмигрантов). Он полагал, что сможет получить от болгарского МИД аккредитацию в таком качестве. Однако руководитель Совета послов разъяснил, что *Office Central* — учреждение, созданное французскими властями исключительно для внутренней деятельности в стране. По сути, оно маскировало продолжение деятельности русского посольства. Но в силу этого стать «центром» для зарубежных учреждений оно никак не могло⁹⁷.

Введенная в научный оборот источниковая база, поиск в архивах пока не дали возможности решить вопрос о том, каким образом было урегулировано положение Б. С. Серафимова в Софии после 31 декабря 1938 г. Однако есть данные о продолже-

⁹¹ Пчелинцева Т. К. Русский клуб — София (1938 год) // Русское Зарубежье в Болгарии: История и современность. София, 2009. С. 197.

⁹² Бочарова З. С. Роль русской эмиграции 1920–1930-х годов в становлении универсального статуса беженцев // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 116–132.

⁹³ В. А. Маклаков — Б. С. Серафимову, 28 марта 1938 г. // Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 50.

⁹⁴ Б. С. Серафимов — В. А. Маклакову, 25 марта 1938 г. // Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 49.

⁹⁵ В. А. Маклаков — Б. С. Серафимову, 28 марта 1938 г. // Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 51.

⁹⁶ Б. С. Серафимов — В. А. Маклакову, 7 мая 1938 г. // Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 88.

⁹⁷ В. А. Маклаков — Б. С. Серафимову, 23 мая 1938 г. // Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 95.

нии работы дипломата до 1940 г., когда была прервана его связь с коллегами по Совету послов⁹⁸. Обнаружить какую-либо информацию о деятельности Б. С. Серафимова в период Второй мировой войны и по ее окончании пока не удалось. Примечательно, что после вхождения страны в социалистический лагерь он не стал вторично эмигрировать, как сделали многие его коллеги из других стран. Коснулись ли его репрессии, которым подвергались остатки Белой эмиграции в Болгарии в 1944 – начале 1950 гг., неизвестно. Умер он в Софии в 1967 г.

Информация о статье

Автор: Миронова, Елена Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Всеобщей истории, Российская академия наук, Москва, Россия, Orc ID 0000-0003-4316-5545; Scopus ID 57195671075; Author ID 612588; SPIN-код 4081-6181; e-mail: alena.stankina@mail.ru

Заголовок: Представительство Совета послов русского зарубежья в Болгарии (1919–1940)

Резюме: В статье на материалах, ранее не вовлекавшихся в научный оборот, рассматривается история создания, деятельности, закрытия русского небольшевицкого представительства в Болгарии. Русский заграничный дипломатический корпус был единственным осколком имперского государственного аппарата, который сохранился после Октябрьской (1917 г.) революции в России. Вошедшее в его состав посольство в Софии было создано правительством генерала Деникина в 1919 г. Посланником был назначен А. М. Петряев. В статье уточняются обстоятельства создания и личный состав миссии, раскрыта ее роль в формировании русской беженской колонии. По окончании гражданской войны в России миссия продолжила деятельность в составе созданного за рубежом Совета послов. Одним из важнейших направлений деятельности структуры стала защита интересов русского беженства. Посольство в Болгарии к этому аспекту относилось с полной ответственностью, в частности активно способствовало перебазированию в страну подразделений Русской армии барона Врангеля. Следствием спровоцированного советскими эмиссарами политического кризиса 1922 г. в Болгарии стали гонения на офицерский состав, скомпрометирована была и дипломатическая миссия. В самом начале 1923 г. посольство было закрыто. Болгарское правительство секвестировало переведенный Советом послов в страну фонд, предназначенный для содержания военных подразделений. Лишь в 1924 г. председатель Совета послов М. Н. Гирс смог урегулировать проблему остатков русских денег и согласовать вопрос о пребывании в стране своего представителя, который должен был заведовать фондом в рамках созданного болгаро-русского комитета. Назначение в Софию получил Б. С. Серафимов. Не имея официально статуса дипломатического представителя, дипломат на протяжении двух десятилетий осуществлял защиту интересов русской колонии в Болгарии в объеме компетенции представительства Совета послов. В статье показаны причины и восстановлен ход кризиса в отношениях между болгарскими властями и посольством, дана оценка прекращению его работы, показано отношение к этому русской беженской колонии, рассмотрена деятельность Совета послов по воссозданию представительства и напряженная работа над сохранением неформального небольшевицкого представительства.

Ключевые слова: Совет послов, русское небольшевицкое представительство, М. Н. Гирс, Б. С. Серафимов, А. М. Петряев

Литература, использованная в статье:

Белоконь, Иван Александрович. Дипломатическая борьба П. Н. Врангеля за переброску Русской армии в Болгарию и Королевство СХС (1921–1922) // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11). С. 127–141.

Бочарова, Зоя Сергеевна. Русский мир 1930-х годов. От расцвета к увяданию Зарубежной России. Москва: АИРО-XXI; Санкт-Петербург: Алетей, 2014. 334 с.

Бочарова, Зоя Сергеевна. «...Не принявший иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. Санкт-Петербург: Нестор, 2005. 251 с.

Бочарова, Зоя Сергеевна. Роль русской эмиграции 1920–1930-х годов в становлении универсального статуса беженцев // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 116–132.

Бочарова, Зоя Сергеевна. Феномен зарубежной России 1920-х годов. Москва: АИРО-XXI; Санкт-Петербург: Алетей, 2014. 407 с.

---

⁹⁸ В. А. Маклаков — В. Н. Штрандтману, 1 марта; В. Н. Штрандтман — В. А. Маклакову, 1 апреля 1940 г. // Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 328, 352.

- Искендеров, Петр Ахмедович. Александр Михайлович Петряев // Вопросы истории. 2018. № 1. С. 18–32.
- Иованович, Мирослав. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. Москва: Русский путь, 2005. 487 с.
- Кёсева, Цветана. Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы. Москва: Русский путь, 2008. 312 с.
- Кёсева, Цветана. Установление болгаро-советских дипломатических отношений и судьбы посольской церкви в Софии // Славяноведение. 2007. № 4. С. 46–53.
- Лунин, Александр. Руската емиграция и взаимоотношенията и с българските държавни и обществени институции // Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция София, 23 и 24 септември 1999 г. София: Институт по история Българска академия на науките, 2001. С. 38–50.
- Миронова, Елена Михайловна. От Певческого моста до улицы Гренель. 1917–1918 гг. Москва: Институт всеобщей истории Российской Академии наук, 2013. 234 с.
- Миронова, Елена Михайловна. Российская дипломатическая миссия в Болгарии // Русское Зарубежье в Болгарии: История и современность. София: Русский Академический Союз в Болгарии, 2009. С. 140–146.
- Морошкин, Владимир Александрович. Эмиграция военных и гражданских лиц из России в Болгарию и ее военно-политические последствия: 1919–1944 гг.: Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Москва, 2013. 209 с.
- Пчелинцева, Татьяна Константиновна. Русский клуб — София (1938 год) // Русское Зарубежье в Болгарии: История и современность. София: Русский Академический Союз в Болгарии, 2009. С. 197–199.
- Радков, Алексей Владимирович. Русская армия генерала Врангеля в эмиграции (Ноябрь 1920 – сентябрь 1924 гг.): Военно-политический и социальные аспекты: Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Самара, 2007. 213 с.
- Русское Зарубежье в Болгарии: История и современность. София: Русский Академический Союз в Болгарии, 2009. 315 с.
- Ряховская, Ирина Сергеевна. Эмиграция Русской армии генерала П. Н. Врангеля: 1920–1923 гг.: Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2009. 207 с.
- Спасов, Людмил. Болгария и СССР 1917–1944: (Политико-дипломатически отношения). Велико-Търново: Фабер, 2008. 550 с.
- Спасов, Людмил. Врангеловата армия в България 1919–1923. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1999. 243 с.

Information about the Article

Author: Mironova, Elena Mihaylovna — PhD in History, Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Orc ID 0000-0003-4316-5545, Scopus ID 57195671075, Author ID 612588, SPIN-код 4081-6181; e-mail: alena.stankina@mail.ru

Title: Representation of the Council of ambassadors of the Russian diaspora in Bulgaria (1919–1940)

Summary: The article is based on materials previously not used in the scientific circulation and highlights the dramatic history of the creation, activities, and closure of the Russian non-bolshevik representation in Bulgaria. The Russian Foreign Diplomatic Corps was the only remnant of the old state apparatus that survived the October Revolution in Russia (1917). The embassy in Sofia became a part of it at the end of 1919, after Bulgaria's withdrawal from World War I. The article clarifies the circumstances and personal composition of the Representation. The embassy played an important role in the formation of the Russian refugee colony and was closed at the very beginning of 1923. The article identifies the causes of the crisis in relations between the Bulgarian authorities and the embassy, its development, assesses its collapse and shows the hard work that was aimed at preserving the informal non-bolshevik representation. The new representative of the Council of Russian Ambassadors in Bulgaria was B. S. Serafimov. Over two decades he defended the interests of the Russian colony there.

Keywords: Council of Russian Ambassadors, non-bolshevik representation, M. N. Guirs, B. S. Serafimov, A. M. Petriaev

References:

- Belokon', Ivan Aleksandrovich. Diplomaticheskaya bor'ba P. N. Vrangelya za perebrosku Russkoy armii v Bolgariyu i Korolevstvo SHS (1921–1922) [The diplomatic struggle of P. N. Wrangel for the transfer of the Russian army to Bulgaria and the Kingdom of the SHS (1921–1922)], in *Noviy istoricheskiy vestnik* [The New Historical Bulletin]. 2004. № 2 (11). Pp. 127–141. (in Russian).
- Bocharova, Zoya Sergeevna. «...Ne prinyavshiy inogo poddanstva»: Problemy social'no-pravovoy adaptatsii rossiyskoy emigratsii v 1920–1930-e gody [«...who did not accept any other citizenship»: Problems of social

- and legal adaptation of the Russian emigration in the 1920–1930s]. St. Peterburg: Nestor Publ., 2005. 251 p. (in Russian).
- Bocharova, Zoya Sergeevna. *Fenomen zarubezhnoy Rossii 1920-kh godov* [The phenomenon of foreign Russia in the 1920s]. Moscow: AIRO-XXI Publ.; St. Peterburg: Aleteya Publ., 2014. 407 p. (in Russian).
- Bocharova, Zoya Sergeevna. Rol' russkoy emigratsii 1920–1930-kh godov v stanovlenii universal'nogo statusa bezhentshev [The role of the Russian emigration of the 1920s – 1930s in the formation of the universal status of refugees], in *Dialog so vremenem*. 2019. No 68. Pp. 116–132. (in Russian).
- Bocharova, Zoya Sergeevna. *Russkiy mir 1930-h godov: Ot rascveta k uvyadaniyu Zarubezhnoy Rossii*, [Russian world in the 1930s. From heyday to decline of Foreign Russia]. Moscow: AIRO-XXI; St. Petersburg: Aleteya Publ., 2014. 334 p. (in Russian).
- Jovanovich, Miroslav. *Russkaya emigratsiya na Balkanah. 1920–1940* [Russian emigration in the Balkans. 1920–1940]. Moscow: Russkiy put' Publ., 2005. 487 p. (in Russian).
- Iskenderov, Petr Akhmedovich. Alexander Mikhailovich Petryaev, in *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2018. No. 1. Pp. 18–32. (in Russian).
- Kyoseva, Tsvetana. *Bolgariya i russkaya emigratsiya: 1920–1950-e gody* [Bulgaria and Russian emigration: 1920–1950s]. Moscow: Russkiy put' Publ., 2008. 312 p. (in Russian).
- Kyoseva, Tsvetana. Ustanovleniye bolgaro-sovetskih diplomaticheskikh otnosheniy i sud'by posol'skoy tserkvi v Sofii [Establishment of Bulgarian-Soviet diplomatic relations and the fate of the embassy church in Sofia], in *Slavyanovedenie*. 2007. № 4. Pp. 46–53. (in Russian).
- Lunin, Alexander. Ruskata emigratsiya i vzaimootnosheniyata s blgarskite drzhavni i obshchestveni institute [Russian emigration and relations with Bulgarian state and public institutions], in *Бялата емиграция в България* [White emigration in Bulgaria]: Proceedings of the scientific conference, Sofia, 23–24 september 1999. Sofia: Institute of History, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 2001. Pp. 38–50. (in Bulgarian).
- Mironova, Elena Mihaylovna. *Ot Pevcheskogo mosta do ulicy Grenel'. 1917–1918 gg.* [From Pevchesky Bridge to Grenelle Street. 1917–1918.] Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013. (in Russian).
- Mironova, Elena Mihaylovna. Rossiyskaya diplomaticheskaya missiya v Bolgarii [Russian diplomatic mission in Bulgaria], in *Russkoe Zarubezhye v Bolgarii: Istoriya i sovremennost'* [Russian diaspora in Bulgaria. History and modernity]. Sofiya: Russian Academic Union in Bulgaria Publ., 2009. Pp. 140–146. (in Russian).
- Moroshkin, Vladimir Aleksandrovich. *Emigratsiya voennykh i grazhdanskikh lits iz Rossii v Bolgariyu i yeye voenno-politicheskiye posledstviya* [The Emigration of military and civilians from Russia to Bulgaria and its military-political consequences: 1919–1944]: PhD Thesis. Moscow, 2013. 209 p. (in Russian).
- Pchelinceva, Tatyana Konstantinovna. Russkiy klub — Sofiya (1938 god) [Russian club — Sofia (1938)], in *Russkoye Zarubezhye v Bolgarii: Istoriya i sovremennost'* [Russian diaspora in Bulgaria: History and modernity]. Sofiya: Ruskiiy Akademicheskiiy Soyuz v Bolgarii Publ., 2009. S 197–199. (in Russian).
- Radkov, Aleksey Vladimirovich. *Russkaya armiya generala Vrangelya v emigratsii (noyabr' 1920 – sentyabr' 1924): Voенно-politicheskiy i sotsialniy aspekty* [Russian Army of General Wrangel in emigration (November 1920 – September 1924): Military, political and social aspects]. PhD Thesis. Samara, 2007. 213 p. (in Russian).
- Russkoye Zarubezhye v Bolgarii: Istoriya i sovremennost'* [Russian diaspora in Bulgaria: History and modernity]. Sofiya: Russian Academic Union in Bulgaria Publ., 2009. 315 p. (in Russian).
- Ryakhovskaya, Irina Sergeevna. *Emigratsiya Russkoy armii generala P. N. Vrangelya: 1920–1923* [The Emigration of the Russian Army of General P. N. Wrangel: 1920–1923]. PhD Thesis. Voronezh, 2009. 207 p. (in Russian).
- Spasov, Lyudmil. *Blgariya i SSSR 1917–1944 (Politico-diplomaticheski otnosheniya)* [Bulgaria and the USSR 1917–1944 (Political-diplomatic relations)]. Veliko-Tyrmovo: Faber Publ., 2008. 550 p. (in Bulgarian).
- Spasov, Lyudmil. *Vrangelovata armiya v Blgariya 1919–1923* [The Wrangel Army in Bulgaria 1919–1923]. Sofia: St. Kliment Okhridski University Publ., 1999. 243 p. (in Bulgarian).